

ЛЬВІВСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
ІМЕНІ ІВАНА ФРАНКА
Юридичний факультет
Лабораторія дослідження теоретичних проблем прав людини

НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ ПРАВОВИХ НАУК УКРАЇНИ
НДІ державного будівництва та місцевого самоврядування
Львівська лабораторія прав людини і громадянина

АНТРОПОЛОГІЯ ПРАВА: ФІЛОСОФСЬКИЙ ТА ЮРИДИЧНИЙ ВИМІРИ (стан, проблеми, перспективи)

*Статті учасників
восьмого Міжнародного «круглого столу»
(м. Львів, 7-8 грудня 2012 року)*

Львів
“Галицький друкар”
2013

УДК 340.12
ББК 67.0я73
А 45

А 45 **Антропологія права : філософський та юридичний виміри (стан, проблеми, перспективи) : Статті учасників восьмого Міжнародного «круглого столу» (м. Львів, 7-8 грудня 2012 року).** – Львів : Галицький друкар, 2013. – 596 с.

Засновник видання: Лабораторія дослідження теоретичних проблем прав людини юридичного факультету Львівського національного університету імені Івана Франка.

У збірці представлено наукові статті, підготовлені учасниками восьмого Міжнародного круглого столу «Антропологія права: філософський та юридичний виміри (стан, проблеми, перспективи)», який відбувався на юридичному факультеті Львівського національного університету імені Івана Франка 7-8 грудня 2012 року.

ББК 67.0я73

Статті друкуються в авторській редакції.

- © М. Альчук, Є. Атрашкевич, А. Бабешко, О. Балинська, А. Бернюков, Д. Бочаров, О. Бочков, О. Венецька, Д. Вовк, В. Гончаров, А. Дідікін, Т. Дудаш, А. Дудчик, Б. Єсенкулова, О. Івашкевич, І. Іванніков, С. Касаткін, Д. Кобринський, Ю. Козенко, О. Костенко, Д. Лук'янов, О. Макаренков, В. Малига, Б. Мелкевіч, Г. Мягких, К. Наумова, О. Никитченко, Л. Ніколаєва, В. Оглезнев, І. Осветимська, О. Павлишин, О. Панкевич, В. Петрушенко, С. Погребняк, О. Познякова, С. Прийма, П. Рабінович, С. Рабінович, Ю. Размасаєва, І. Рубець, Н. Сатохіна, А. Сergyгін, В. Смородинський, В. Стаценко, В. Токарев, В. Трутень, О. Уварова, М. Фабрикант, К. Хахуліна, А. Червяцова, В. Шафіров, М. Швед, С. Шевцов, Р. Шульга, В. Янч, 2013.

- © Юридичний факультет Львівського національного університету імені Івана Франка, 2013.

ISBN 978-966-970-443-6

<i>В. ТРУТЕНЬ. МАТЕРІАЛЬНО-ПРАВОВА ЗДІЙСНИМІСТЬ ЦИВІЛЬНОГО СУБ'ЄКТИВНОГО ПРАВА ВИМОГИ КРЕДИТОРА ДО БОРЖНИКА НА ПЕВНЕ НАДАННЯ, ВИЗНАЧЕНА НА НОРМАТИВНІЙ ПІДСТАВІ В ПРОЦЕСІ ПРАВОВОЇ АРГУМЕНТАЦІЇ: ДО ПИТАННЯ ПРО УНІВЕРСАЛІЗАЦІЮ ПРАВА.....</i>	<i>497</i>
<i>О. УВАРОВА. ПРАВОВИЙ ХАРАКТЕР АКТИВ НОРМОТВОРЧОСТІ ЯК ЗАПЕРЕЧУВАНА ПРЕЗУМПЦІЯ ПРАВА</i>	<i>514</i>
<i>А. ЧЕРВЯЦОВА. СВОБОДА ВИРАЖЕННЯ ПОГЛЯДІВ ТА ЗАБЕЗПЕЧЕННЯ АВТОРИТЕТУ ПРАВОСУДДЯ: ВИРІШЕННЯ КОНФЛІКТУ В ПРАКТИЦІ ВЕРХОВНОГО СУДУ США.....</i>	<i>533</i>
<i>В. ШАФИРОВ. ЕСТЕСТВЕННО-ПОЗИТИВНОЕ ПРАВО: ПРИРОДА, ГЕНЕЗИС, ЭВОЛЮЦИЯ</i>	<i>541</i>
<i>С. ШЕВЦОВ. К ПОНИМАНИЮ ПРАВА В АРХАИЧНЫХ ОБЩЕСТВАХ</i>	<i>553</i>
<i>Р. ШУЛЬГА. ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: СТОЛКНОВЕНИЕ И ПАРИТЕТЫ ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ (ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ).....</i>	<i>570</i>
<i>В. ЯНЧ. ПРАВОВАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ</i>	<i>590</i>

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: СТОЛКНОВЕНИЕ И ПАРИТЕТЫ ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ (ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ)

Р. Шульга

*Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
Россия, г. Москва, проспект Вернадского, 76,
e-mail: ruslan.shulga@gmail.com*

Согласно нормам международного права в отношении заботы о детях действует принцип обеспечения равных прав и равных возможностей для отца и матери. Однако российская практика и законодательство говорит об обратном – мужчины выполняют на равной основе с женщиной социальные функции в семье, однако в законодательстве данные функции отнесены не к родительским, а к женским. Такое различное отношение к мужчинам и женщинам и вследствие этого ущемление прав мужчины является не единственным примером. В таком же ключе законодательство и судебная практика решают вопрос в отношении предоставления отцу (а точнее не предоставления) отпуска по уходу за ребёнком до достижения им 3-летнего возраста. К. Маркин, офицер Вооружённых Сил РФ, отец троих детей, вынужден был обратиться за справедливостью в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в связи с отказом всех судебных инстанций в России (включая Конституционный Суд России) удовлетворить его жалобу в предоставлении отпуска по уходу за ребёнком, утверждая, что отказ в предоставлении трёхлетнего отпуска по уходу за ребёнком нарушает принцип равенства между мужчинами и женщинами, установленный Конституцией Российской Федерации [10]. Европейский Суд признал, что в отношении отца была допущена дискриминация по половому признаку в сочетании с нарушением его права на семейную жизнь. Суд не нашёл «разумных и объективных» оснований для того, чтобы трёхлетний отпуск по уходу за ребёнком предоставлялся только военнослужащим-женщинам [17].

Европейский Суд отметил, что в отношении отпуска по уходу за ребёнком и соответствующих пособий мужчины находятся в аналогичном положении по отношению к женщинам. В отличие от декретного отпуска, который обеспечивает женщине возможность восстановления

после родов и вскармливания своего младенца, если она того желает, отпуск по уходу за ребёнком и связанные с ним пособия относятся к последующему периоду, имеющему целью обеспечение заинтересованному родителю возможности нахождения дома и личного ухода за ребёнком (см. Постановление Европейского Суда по делу «Петровиц против Австрии», § 36 [18]). Европейский Суд указал, что сознавая различия, которые могут существовать между матерью и отцом в их отношениях с ребёнком, в части функции ухода за ребёнком в период, соответствующий отпуску по уходу за ребёнком, мужчины и женщины находятся «в сходном положении».

В постановлении Европейского Суда также отмечается, что ссылка властей Российской Федерации на позитивную дискриминацию является ошибочной. Различие в обращении с военнослужащими – мужчинами и женщинами в части права на отпуск по уходу за ребёнком явно не направлено на устранение неблагоприятного положения женщин в обществе или «фактического неравенства» мужчин и женщин (см. противоположный пример в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Стек против Соединённого Королевства», §§ 61 и 66 [21]). Европейский Суд отметил, что такое различие имело следствием закрепление гендерных стереотипов и что оно являлось неблагоприятным как для карьеры женщин, так и для семейной жизни мужчин.

Европейский Суд отметил, что различие в обращении не может быть оправдано традициями, преобладающими в данной стране. Российские власти при рассмотрении дел в Европейском Суде неоднократно ссылались на существующие в российском обществе традиции в оправдание порядка, отличного от устоев, преобладающих в европейских странах. Так, председатель Конституционного Суда России В. Зорькин заявил: «Не имея прямых прецедентных решений по вопросу о предоставлении отпуска военнослужащему-мужчине по уходу за ребёнком, Страсбургский суд в данном случае использовал правовую позицию по делу «Смит и Грейди против Соединённого Королевства» [20], касавшемуся увольнения из вооружённых сил гомосексуалистов. Разумеется, в Российской Федерации, как и в любой современной стране, сексуальные меньшинства находятся под защитой принципа юридического равенства, согласно которому все равны перед законом и судом; государство гарантирует равенство прав и свобод, в том числе независимо от пола (ст. 19 Конституции). Однако «увлечённость» современных европейских юристов защитой прав и свобод лиц с нетрадиционной ориентацией приобрела гротескные формы. Иногда этот

гротеск может переродиться и в трагедию, как это недавно произошло в Сербии, когда неприятие гей-парада в традиционно православной стране вылилось в массовые беспорядки (gay pride, который привёл к массовым беспорядкам состоялся 10 октября 2010 года в городе Белграде – прим. Р.Ш.).

Проще всего эти беспорядки списать на экстремизм неких националистических и фашистских сил. А что если это реальное возмущение большинства граждан конкретной страны, которая протестует против действий меньшинства? Действий, которые ломают культурный, нравственный, религиозный код» [3].

Европейский Суд ранее уже устанавливал, что государство-участник Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Европейская конвенция о защите прав человека) [33] не может поощрять традиционные гендерные роли и гендерные стереотипы. Вместе с тем, согласно российскому законодательству и мужчинам, и женщинам из гражданских лиц может быть предоставлен отпуск по уходу за ребёнком, и за семьёй остаётся право выбора, кому из родителей брать отпуск по уходу за ребёнком. При этом Европейский Суд не убедили доводы властей России о том, что российское общество не готово согласиться с таким равенством между мужчинами и женщинами, служащими в вооружённых силах.

Европейский Суд в постановлении указал, что ссылка на традиционное распределение гендерных ролей в обществе не может оправдывать исключение мужчин, включая военнослужащих, из числа лиц, которым предоставляется отпуск по уходу за ребёнком. Гендерные стереотипы, такие как восприятие женщин как основных лиц, осуществляющих уход за детьми, а мужчин как основных кормильцев в семье, не могут сами по себе являться достаточным оправданием для различий в обращении, так же как и аналогичных стереотипов, основанных на расе, происхождении, цвете кожи и сексуальной ориентации.

Равенство родителей в праве получения отпуска по уходу за малолетним ребёнком является уже распространённой практикой во многих европейских странах. В семи странах Европы предоставляется так называемый оплачиваемый отцовский отпуск (paternity leave): в Австрии продолжительностью 6 месяцев, Бельгии (3 дней), Дании (10 дней), Испании (2 дней), Франции (3 дней), Финляндии (1 недели), Швеции (2 недель) [5, с. 15–20].

Семейное законодательство России, формально декларируя равенство матери и отца по отношению к воспитанию ребёнка, тем

не менее защищает, в первую очередь, интересы женщин. В то же время в отношении мужчин сохраняется остаточный принцип, где он выступает не носителем прав, а в большинстве случаев – обязанностей. В некоторых случаях это прямо вытекает из нормы закона. Так, например, в соответствии со статьёй 17 Семейного кодекса РФ муж не имеет права без согласия жены возбуждать дело о расторжении брака во время беременности жены и в течение года после рождения ребёнка [25]. Однако по другим категориям дел в большинстве случаев судебные органы разрешают споры в пользу матери на основании одного «духа» закона, игнорируя провозглашённое равенство мужчины и женщины (отца и матери) – до 85% детей в делах о разводах суд оставляет за матерями [7, с. 419]. При рассмотрении споров о детях, возникающих между супругами, судами игнорируется не только мнение отца, но и не учитывается мнение самого ребёнка, возраст которого позволяет ему сформулировать собственное мнение по вопросу, с кем ребёнок желает оставаться жить. В итоге в подавляющем большинстве случаев отец лишается реальной возможности общаться с детьми и участвовать в их воспитании, хотя и имея при этом формально равные с матерью права на воспитание ребёнка. Неудивительно, что при такой порочной судебной практике, 80% мужчин, расторгнувших брак, ограничивают своё участие в жизни детей от этого брака лишь алиментными обязательствами, сужая отцовство до материальной помощи ребёнку [12, с. 92–98].

В западных странах последствия разрыва связи ребёнка с отцом также печальны: во Франции в 25% случаев разрыв наступает сразу же после развода; 23% отцов видят своих детей всего один раз в месяц. В США в первые 3-5 лет после развода всего около 30% детей видятся с отцом в конце недели, 18% – раз в год или вообще не видятся, а через десять лет после развода соответственно 12% и 50% [37, с. 308].

Таким образом, распавшийся брак способствует уничтожению духовных контактов, прерывая родственную связь ребёнка с отцом. Для минимизации негативного влияния института брака на реализацию отцом своих прав по отношению к ребёнку, необходимо кардинально изменять подход в правоприменительной практике с точки зрения защиты права на отцовство.

Для более глубокого исследования существующего подхода в отношении регулирования роли отца в воспитании детей подвергнем анализу и другие важные судебные прецеденты. Одним из таких прецедентов в России является дело Алексея Остаева.

15 декабря 2011 года Конституционный Суд России, по жалобе Алексея Остаева, вынес постановление, которым признал не соответствующим Конституции РФ ст. 261 Трудового кодекса Российской Федерации, согласно которому запрещается увольнение по инициативе работодателя женщин, имеющих детей в возрасте до трёх лет [28], но не предоставляется никаких гарантий отцу (в положении заявителя по делу), который имеет малолетних детей, в том числе ребёнка в возрасте до трёх лет, и является при этом единственным кормильцем в многодетной семье, где мать в трудовых отношениях не состоит, так как занимается уходом за детьми [22].

Москвич Алексей Остаев работал главным художником в издательской фирме «Логос-Медиа» – производителе сборников сканвордов, кроссвордов. После финансового кризиса 2008 года руководство компании занялось оптимизацией бизнеса, смещая акцент с бумажной продукции на смс-викторины. Следствием перемен стало массовое сокращение штатов. Как утверждал заявитель, в компании был уволен каждый третий. Летом 2010 года под сокращение попал и Алексей Остаев. На тот момент у него уже было трое детей: дочери 7 и 12 лет и сын, которому едва исполнилось пять месяцев. Ухаживая за младенцем, жена А. Остаева не работала. К тому же, одна из их дочерей – инвалид, ей необходимо постоянное присутствие матери рядом. После сокращения Алексея Остаева многодетная семья лишилась основного источника доходов.

В судах общей юрисдикции, где А. Остаев пытался оспорить своё увольнение, ему отказали. Согласно нормам трудового законодательства России защищены законом в подобной ситуации только женщины. Часть 4 ст. 261 Трудового кодекса РФ запрещает увольнять работающую женщину, у которой есть ребёнок в возрасте до трёх лет. То есть, если бы с детьми сидел А. Остаев, а работала его жена, то уволить её по сокращению штатов было бы невозможно. Усмотрев в этом явную несправедливость, заявитель подал жалобу в Конституционный Суд России.

Проблему он поставил несколько шире своего конкретного случая: А. Остаев указывал на несоблюдение принципа «гендерного равенства». «Отец и мать в сложившейся ситуации не имеют равных прав в отношении воспитания ребёнка», – утверждал А. Остаев [22]. Заявитель ссылался на международные нормы, утверждая, что Трудовой кодекс России противоречит Конвенции «О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с

семейными обязанностями», принятой Международной организацией труда в 1981 году [8] и ратифицированной Россией в 1997 году [31].

При этом проблему, по мнению А. Остаева, можно решить, заменив в тексте абзаца четвёртого ст. 261 Трудового кодекса РФ слово «женщина» на слово «родители».

Своими фактическими обстоятельствами дело Алексея Остаева напомнило дело Константина Маркина, о котором речь шла выше.

Однако в деле А. Остаева Конституционный Суд РФ фактически пересмотрел свою позицию, занятую по делу К. Маркина. Сославшись на Конвенцию о правах ребёнка [9] и отметив «объективно существующие трудности, с которыми сталкиваются женщины, стремящиеся сочетать трудовую деятельность с выполнением материнских функций», Конституционный Суд России признал, что в определённых жизненных ситуациях принять на себя ответственность за благополучие и всестороннее развитие ребёнка могут и отцы, восполняя тем самым «в той или иной степени отсутствие материнской заботы» [22].

Сославшись на конституционный принцип равноправия мужчин и женщин (пункт 3 статьи 19 Конституции РФ) и соответствующую конвенцию Международной организации труда о равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин с семейными обязанностями, Конституционный Суд РФ упомянул конституционный принцип поддержки семьи (статья 38 Конституции РФ), а также содержащийся в Конвенции о правах ребёнка принцип общей и одинаковой ответственности обоих родителей за воспитание и развитие ребёнка. Из этого, как заключил Конституционный Суд РФ, вытекает то, что применительно к семье, в которой воспитывается несколько малолетних детей, государственная поддержка распространяется на обоих родителей.

Дискриминационное отношение к отцам, оказавшимся в положении гражданина А. Остаева, по решению Конституционного Суда РФ, нарушает конституционные принципы равенства и справедливости, а рассматриваемые различия не имеют объективного и разумного оправдания.

Хотя, А. Остаев, в отличие от К. Маркина, не был военнослужащим, но центральным аспектом обоих дел, на который не обратил внимание Конституционный Суд РФ в 2009 году (когда посчитал жалобу К. Маркина неприемлемой [15]), являлась дискриминация по признаку пола. Да, детей рождает женщина, но воспитывают их (и имеют международно защищаемое право на это) оба родителя, а потому государство,

предоставляя определённые льготы молодым мамам, не может обойти своим вниманием и молодых отцов.

Социальные стереотипы в отношении «особой роли» матери (которые, в частности, почти всегда предопределяют решения российских судов общей юрисдикции по спорам о том, с кем из родителей останутся дети) должны отойти в прошлое. Мать, конечно, отличается от отца и физиологически, и психологически, и во многих других отношениях. Идеальной ситуацией является гармоничное взаимодополнение отца и матери, способствующее формированию полноценного ребёнка. Вместе с тем, с точки зрения права, Конституция России защищает в равной степени как материнство, так и отцовство.

Судьи Конституционного Суда России, хотя и приняли в целом сторону заявителя, о серьёзных изменениях трудового законодательства предпочли не говорить. Убедительными им показались, прежде всего, аргументы А. Остаева о том, что нормы Трудового кодекса России ущемляют права многодетных семей, в которых, как правило, мать не работает из-за необходимости ухода за детьми. Поэтому принятое решение решает довольно узкую и конкретную ситуацию.

В. Зорькин, председатель Конституционного Суда РФ, так прокомментировал решение суда по делу А. Остаева: «Суть решения в том, что сама по себе норма не противоречит Конституции, ведь она защищает права матери и ребёнка. Но, в определённом, можно сказать «точечном», аспекте, она неконституционна. Принципиальное значение имеют несколько условий: если это многодетная семья, если в ней есть хотя бы один ребёнок в возрасте до трёх лет и если отец является единственным кормильцем, а мать занята воспитанием детей и не состоит в трудовых отношениях. Так как мы имели дело с конкретной жалобой, а не с абстрактным запросом, то мы не можем выносить решение относительно других ситуаций» [24].

В. Зорькин подчеркнул, что решение Конституционного Суда РФ никак не ограничивает законодательную власть в желании ввести какие-либо дополнительные меры поддержки многодетных семей или родителей с малолетними детьми. Но обязанностью законодателя после постановления Конституционного Суда РФ будет лишь необходимость прописать в законе конкретную ситуацию, по поводу которой и вынесено решение.

Необходимо констатировать, что гендерные различия продолжают присутствовать в трудовом законодательстве России. Например, ч. 3 ст. 64 Трудового кодекса РФ, которая запрещает отказывать в приёме на

работу и заключении трудового договора женщинам по мотивам, связанным, в частности, с тем, что у них есть дети. Многодетный отец может получить не противоречащий действующему законодательству отказ в трудоустройстве от потенциального работодателя по причине многодетности, так как Трудовой кодекс РФ запрещает это делать только в отношении женщин.

Это не первый случай, когда Конституционный Суд РФ рассматривает требования о равноправии полов. Так, в определении от 21 декабря 2000 года было решено, что Конституции России не противоречит право женщин раньше уходить на пенсию, из-за физиологических и других различий, а также «исходя из особой социальной роли женщины в обществе, связанной с материнством» [14].

В феврале 2009 года Конституционный Суд РФ рассматривал дело ведущего инженера завода «АВТОВАЗ» Михаила Ермолова о праве на получение пособия по временной нетрудоспособности [23].

Михаил Ермолов оформил себе больничный лист по уходу за своим годовалым (здоровым) сыном на время, пока его жена две недели лечилась в больнице. Однако предъявленный им по месту работы лист нетрудоспособности оплачен не был, несмотря на представленную справку из больницы о госпитализации матери ребёнка.

М. Ермолов обратился в мировой суд с иском о взыскании с «АВТОВАЗа» пособия в размере 8.231 руб. 21 коп., однако получил отказ в удовлетворении своих требований. Мировой судья мотивировал своё решение тем, что действующим законодательством не предусмотрена выдача больничного листа и выплата пособия по уходу за здоровым ребёнком в возрасте до 3-х лет даже в случае болезни матери.

Тогда М. Ермолов обжаловал решение мирового судьи в следующей судебной инстанции – Автозаводском районном суде Тольятти. Районный суд приостановил судебное производство и обратился в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке конституционности части 1 статьи 5 Федерального закона от 29 декабря 2006 года № 255-ФЗ «Об обеспечении пособиями по временной нетрудоспособности, по беременности и родам граждан, подлежащих обязательному социальному страхованию» [29] (в настоящее время указанный Федеральный закон переименован в Федеральный закон «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» (в редакции от 3 декабря 2011 года) [30].

Заявитель указал, что названная норма противоречит Конституции РФ, её статьям 38 и 39, согласно которым забота о детях – это равное

право и равная обязанность родителей, и каждому гарантируется социальное обеспечение для воспитания детей. В указанном федеральном законе не предусмотрен случай, дающий право отцу на пособие при уходе за маленьким ребёнком во время болезни его матери, что лишает одного из родителей права на заботу о своём ребёнке.

То есть, по мнению тольяттинских судей, законодатель не предусмотрел механизма защиты прав материнства, детства и семьи, умялил равные права родителей и право на социальное обеспечение при воспитании детей.

Конституционный Суд России в своём постановлении признал соответствующим Конституции РФ Федеральный закон от 29 декабря 2006 года № 255–ФЗ «Об обеспечении пособиями по временной нетрудоспособности, по беременности и родам граждан, подлежащих обязательному социальному страхованию», в котором предусмотрено право отцов и любого другого члена семьи, фактически осуществляющие уход за ребёнком, на отпуск по уходу за ребёнком. В то же время Конституционный Суд России признал, что на практике не гарантируется защита интересов семьи и ребёнка, поэтому требуется упростить процедуру оформления в случае болезни матери, находящейся в отпуске по уходу за ребёнком, – отцом ребёнка (другим родственником) отпуска по уходу за ребёнком на этот период и назначения полагающегося ему в таком случае в соответствии с законом пособия по обязательному социальному страхованию.

Анализируя действующее законодательство и правоприменительную практику можно прийти к выводу, что меры российских властей, направленные на помощь семье, ориентированы главным образом на женщину, при этом, практически ничего не делается для повышения авторитета отцовства, ответственности обоих родителей за воспитание детей. Как следует из исследования проведённого Т.И. Греченковой и И.С. Куприяновой, «понятие родительства приравнивается (в России – прим. Р.Ш.) к материнству» [1, с. 95–110]. Таким образом, можно констатировать, что нормы Конституции России о равенстве граждан и защиты от дискриминации продолжают оставаться декларативными, о чём свидетельствуют в большей степени существующая правоприменительная практика.

Продолжая тему воспитания детей, в последние годы стал активно дебатироваться вопрос о возможностях усыновления детей однополыми семьями. В 2002 году Американская академия педиатрии, которую поддерживала Американская психиатрическая ассоциация, опубликовала

доклад, одобряющий усыновление и удочерение детей семьями, где оба партнёра – одного пола. По заключению Академии, такие семьи способны обеспечить детям мирное, здоровое и эмоционально стабильное детство. К подобным выводам также пришли Американская психологическая ассоциация [35] и Американская медицинская ассоциация [38, с. 349–364; 26]. Кроме того, исследования воспитания детей в однополых семьях показывают, что в подобных семьях к воспитанию ребёнка относятся не менее, а часто и более ответственно и внимательно, чем в традиционных [32].

Новый подход к кругу лиц, имеющим право на усыновление детей, установлен Европейской конвенцией об усыновлении детей (пересмотренной), вступившей в силу 1 сентября 2011 года [34]. По состоянию на 10 ноября 2012 года семь стран ратифицировали указанную Европейскую конвенцию – Дания, Испания, Нидерланды, Норвегия, Румыния, Украина и Финляндия.

В соответствии со статьёй 7 Европейской конвенции об усыновлении детей закон позволяет усыновлять ребёнка двум лицам разного пола, которые состоят в браке между собой, а также одинокому лицу. Государства, присоединившиеся к конвенции, «могут распространять её действие на однополые пары, которые состоят в браке или пребывают в зарегистрированном партнёрстве. Они также могут распространять действие конвенции на разнополые и однополые пары, которые проживают вместе и имеют постоянные отношения» [34].

В настоящее время в 15 странах мира однополые семьи, состоящие в браке или в другой форме партнёрства, имеют право на усыновление детей (в частности, в Андорре (с 2005 г.), Аргентине (с 2010 г.), Бельгии (с 2006 г.), Бразилии (с 2010 г.), Великобритании (с 2009 г.), Дании (с 2010 г.), Израиле (с 2008 г.), Исландии (с 2006 г.), Испании (с 2005 г.), Нидерландах (с 2001 г.), Норвегии (с 2009 г.), Уругвае (с 2009 г.), Швеции (с 2002 г.), ЮАР (с 2002 г.)). Кроме того, усыновление детей однополыми парами возможно в некоторых штатах США, некоторых провинциях и территориях Австралии и Канады, а также в городе Мехико (Мексика). В Германии, Гренландии и Финляндии один из партнёров, состоящих в браке или гражданском партнёрстве, имеет право усыновить биологического ребёнка своего партнёра.

Стоит также отметить, что в январе 2008 года Европейский Суд по правам человека в деле «Е.В. против Франции» постановил, что гомосексуальность не может быть причиной отказа в усыновлении [4, с. 14; 16, с. 337–356].

По указанному делу заявительница жаловалась в Европейский Суд по правам человека на то, что решения административных органов власти и судов Франции, которыми ей было отказано в усыновлении ребёнка, якобы были мотивированы её гомосексуальной ориентацией и фактом сожительства с женщиной и были вынесены в нарушение требований статей 8 (право на частную и семейную жизнь) и 14 (запрещение дискриминации) Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Заявительница утверждала, что на всех этапах процедуры рассмотрения заявления об усыновлении она подвергалась дискриминационному обращению, связанному с её сексуальной ориентацией и наносившему ущерб её праву на уважение частной жизни.

Европейский Суд в своём постановлении напомнил, что французское законодательство разрешает усыновление ребёнка лицом, не состоящим в браке, открывая таким образом возможность для усыновления лицу с гомосексуальной ориентацией, не состоящему в браке, что не вызывает возражений.

Европейский Суд отметил, что соответствующие положения Гражданского кодекса Франции ничего не указывают в отношении необходимости представителя другого пола, которая никоим образом не зависит от сексуальной ориентации усыновителя, не состоящего в браке. Кроме того, в данном случае заявитель, повторяя термины постановления Государственного Совета Франции, обладает «определёнными человеческими и воспитательными качествами», что, безусловно, отвечает высшим интересам ребёнка, ключевому понятию соответствующих международных договоров.

В заключении Европейский Суд констатировал, что национальные органы власти для того, чтобы отказать в удовлетворении заявления заявителя о разрешении на усыновление, провели различие, продиктованное рассуждениями о её сексуальной ориентации, и это различие не допустимо в соответствии с Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод (см. Постановление Европейского суда по делу «Сальгейру да Сильва Моута против Португалии», § 36 [19]).

Если анализировать российскую практику, то, как отмечают И.С. Куприянова и Т.И. Греченкова, «политику (российского – прим. Р.Ш.) государства в отношении гомосексуальных граждан правомерно обозначить как политику замалчивания: в российском законодательстве они не упоминаются, права гомосексуальных граждан – понятие совершенно не используемое, запрет на дискриминацию по признаку сексуальной ориентации не упоминается ни в Конституции, ни в Уго-

ловном кодексе. Конституция Российской Федерации защищает семью и брак, но исключительно традиционную – гетеросексуальную модель» [11, с. 149–161].

В России и странах постсоветского пространства однополые пары не имеют юридических прав как на заключение браков (или гражданских партнёрств), так и на усыновление детей. Согласно п. 3 ст. 1 Семейного кодекса РФ в России брак определяется как «союз мужчины и женщины» [25].

В соответствии со статьёй 127 Семейного кодекса РФ только совершеннолетние лица обоего пола имеют право на усыновление детей. Два лица, не состоящие в браке, не могут совместно усыновить одного и того же ребёнка и не имеют права на образование приёмной семьи, то есть взять на воспитание одного или нескольких детей, оставшихся без попечения родителей, выполняя функции опекунов или попечителей [13; 25].

Современное понимание семьи ломает старые стереотипы о семье как о союзе мужчины и женщины. Теперь на статус семьи претендуют свободные союзы двух (или нескольких) совместно проживающих людей, а также гомосексуальные пары [6]. Характерно, что принятые в некоторых странах законы, направленные, прежде всего, для легализации однополых партнёрств, получили распространение и среди гетеросексуальных пар. Стремление одиноких людей жить с кем-то под одной крышей привели к созданию фактических совместных хозяйств, не урегулированных в законодательстве. Это проблема касается и гомосексуальных пар, проживающих вместе. В этой связи принятый во многих странах так называемый закон о гражданском пакте солидарности (например, во Франции) распространяется на любые союзы, заключаемые между двумя физическими лицами, независимо от их пола, для организации совместной жизни. Следуя общемировым тенденциям, возможно требуется пересмотреть действующее семейное законодательство России для разрешения подобных существующих ситуаций.

В современном обществе всё большее количество мужчин и женщин выбирают иные виды совместного сожительства, предпочитая не оформлять свои отношения путём заключения традиционного брака. В зарубежных странах сожительство (cohabitation) признаётся как семейный союз, который регулируется с незначительными различиями в соответствующем национальном законодательстве (например, в Венгрии, Дании, Исландии, Италии, Люксембурге, Португалии, Швейцарии, Швеции, Украине и других). Как отмечает И.А. Трофимец, «легитимировав сожительство, иностранное право ряда государств, тем самым,

прежде всего упорядочило имущественные отношения партнёров, урегулировало вопросы воспитания и содержания несовершеннолетних детей, а также разрешило проблемы предоставления, или, наоборот, лишения фактических брачных союзов определённых льгот и привилегий» [27, с. 32–33]. Отдельные виды семейных союзов (лиц разного или одного пола) предусматривают наличие особой процедуры оформления таких отношений (как во Франции путём письменного соглашения; в Исландии и Люксембурга – заявления; торжественной церемонии – в Дании и Швеции; либо последующего признания со стороны государства такого фактического семейного союза – в Венгрии, Италии, Португалии, Украине, Швейцарии).

Юридическое признание семейных союзов, отличных от традиционных, обусловлено необходимостью приведения законодательства в соответствие с происходящими изменениями в понимании института брака и семьи. Право уже многих стран закрепляет аналогии института брака для однополых партнёров.

Большая роль в легализации однополых семьи отводится Каирской международной конференции ООН по народонаселению и развитию 1994 года. Согласно принятой на конференции Программой закреплено равноправие и равноценность разных типов половых союзов, включая однополые [2]. На конституционном уровне в ряде государств установлен запрет дискриминации по признаку сексуальной ориентации, пола или гендерной идентичности.

По итогам экспертной встречи, проходившей в городе Джокьякарте (Индонезия) с 6 по 9 ноября 2006 года были выработаны Принципы применения международно-правовых норм о правах человека в отношении сексуальной ориентации и гендерной идентичности [39]. Джокьякартские принципы охватывают широкий спектр стандартов в области прав человека и их применимость к вопросам сексуальной ориентации и гендерной идентичности. Принципы подтвердили, что обязанностью государства является обеспечение соблюдения прав человека. Каждый принцип включает подробные рекомендации государствам по вопросам защиты прав человека без какой-либо дискриминации по признакам сексуальной ориентации и (или) гендерной идентичности. Главной задачей разработки принципов являлось нормативно закрепить гарантии прав на равенство и недискриминацию с целью обеспечения лицам любой сексуальной ориентации и гендерной идентичности возможность жить с тем же достоинством и уважением, на которое имеют право все люди [36].

Учитывая последние тенденции в изменении подходов к понятию семьи и роли родителей в воспитании детей, настало время к пересмотру и семейного законодательства в странах постсоветского пространства.

Отказ от существующих дискриминационных практик в отношении фактических гражданских однополых партнёрств в России позволит юридически закрепить наследственные права детей и одного из родителей, разрешит жилищные вопросы; вопросы социального и пенсионного страхования; вопросы гражданства.

Европейские страны и США постепенно отказываются от дискриминационных практик в отношении разного типа семей. В сентябре 2010 года Совет Европы рекомендовал слова «мать» и «отец» заменить термином «родители», а в единственном числе – «родитель», мотивируя это борьбой с сексизмом. В резолюции Парламентской Ассамблеи Совета Европы говорится, что представление о домохозяйке является традиционной моделью поведения, приписываемой женщине, а это мешает установлению полного равноправия полов.

С февраля 2011 года с целью не подвергать дискриминации однополые союзы в документации Государственного департамента США не используются понятия «мать» и «отец», вместо этого в официальный оборот вводятся понятия «родитель No 1» и «родитель No 2».

Аналогичная практика Великобритании (с октября 2011 года) отказа от употребления слов «отец» и «мать» в анкетах на получение паспорта и их замена на слова «родитель No 1» и «родитель No 2» демонстрирует политику отказа от дискриминационных практик и признания равных прав у различных типов семей на принятие детей. Эта политика властей Великобритании согласуется с действующим законодательством в Соединённом Королевстве, по которому однополые пары, усыновляющие детей, официально считаются их родителями.

Подводя итоги настоящего исследования, следует сказать о необходимости воплощения на практике подлинного смысла принципа равноправия между мужчиной и женщиной в достижении более справедливого распределения семейных обязанностей, где во главу угла должно ставиться благополучие ребёнка. Законодательство и правоприменительная практика должны идти по пути постепенного отказа от дискриминационных практик ограничения прав в воспитании детей одинокими людьми и различными типами семей. Если не идти по пути внедрения антидискриминационного законодательства, всё большее число детей будут продолжать оставаться в детских домах из-за предрассудков и правовых ограничений.

Список использованных источников:

1. Греченкова, Т.И., Куприянова, И.С. Гендерный анализ охраны репродуктивного здоровья и социальной защиты родительства в Саратовской области / Т.И.Греченкова, И.С. Куприянова // Гендерная экспертиза социальной политики и социального обслуживания на региональном уровне / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой и Н.И. Ловцовой. – Саратов: Издательство «Научная книга», 2003. – С. 95–110.
2. Доклад Международной конференции по народонаселению и развитию. Каир, 5 – 13 сентября 1994 года. – Нью-Йорк: Организация Объединённых Наций, 1995. – 198 с.
3. Зорькин, В. Предел уступчивости / В. Зорькин // Российская газета. – 2010. – 29 октября.
4. Избранные решения Европейского суда по правам человека. Вопросы сексуальной ориентации и гендерной идентичности; [сост., авт. «Введения» и ст. К.Кириченко]. – М.: Московская Хельсинкская группа, 2010. – 104 с.
5. Кайлова, О.В. Опыт семейной политики в странах Европейского Союза: система родительских отпусков / О.В. Кайлова // Политика народонаселения: настоящее и будущее: Четвёртые Валентеевские чтения: Сборник докладов (Книга 2) / под ред. В.В.Елизарова, В.Н.Архангельского. – М.: МАКС Пресс, 2005. – С. 15–20.
6. Кириченко, К.А. Альтернативные формы семьи сквозь призму европейских стандартов прав человека: недискриминация по признаку сексуальной ориентации и уважение семейной жизни / К.А. Кириченко // Семейное и жилищное право. – 2011. – No 1. – С. 10–14.
7. Ковлер, А.И. Антропология права: Учебник для вузов / А.И. Ковлер. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М), 2002. – 480 с.
8. Конвенция No 156 Международной организации труда «О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями» (принята в г. Женеве 23 июня 1981 года на 67-ой сессии Генеральной конференции МОТ). // Бюллетень международных договоров. – 2004. – No 10. – С. 11–15.
9. Конвенция о правах ребёнка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года). // Сборник международных договоров СССР. – 1993. – Выпуск XLVI.
10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 года No 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года No 7-ФКЗ). // Собрание законодательства РФ. – 2009. – No 4. – Ст. 445.

11. Куприянова И.С., Греченкова Т.И. Феминистский анализ нетрадиционных моделей родительства в современной России / И.С. Куприянова, Т.И. Греченкова // Актуальные проблемы демографической политики / Под ред. Романова П.В. – Саратов: Издательство «Научная книга», 2004. – С. 149–161.

12. Максимович, Л.Б. Российское законодательство и гендерные различия / Л.Б.Максимович // Человек и право / под ред. Н.И.Новиковой, В.А. Тишкова. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1999. – С. 92–98.

13. Однополая семья в России: что даёт нам действующее законодательство? – СПб., 2009. – 24 с.

14. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2000 года No 276-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб граждан Березкина Владимира Рейновича, Бушмелева Геннадия Николаевича, Корниенко Николая Николаевича, Кропотова Геннадия Ивановича и Мамаева Александра Степановича на нарушение их права на пенсионное обеспечение положениями статей 10 и 12 Закона Российской Федерации «О государственных пенсиях в Российской Федерации» и статьи 242 Кодекса законов о труде Российской Федерации». // Размещён на интернет-ресурсе справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» – режим доступа: <http://www.consultant.ru>. – Дата доступа: 10 ноября 2012 год.

15. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 2009 года No 187-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Маркина Константина Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 13 и 15 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», статей 10 и 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих», статьи 32 Положения о порядке прохождения военной службы и пунктов 35 и 44 Положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей».// Размещён на интернет-ресурсе справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» – режим доступа: <http://www.consultant.ru>. – Дата доступа: 10 ноября 2012 год.

16. Постановление Европейского Суда по правам человека от 22 января 2008 года «Case of E.B. v. France» (Application No 43546/02). // Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека. – 2009. – No 3. – С. 337–356.

17. Постановление Европейского Суда по правам человека от 7 октября 2010 года «Case of Konstantin Markin v. Russia» (Application No 30078/06). // Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека. – 2010. – No 12. – С. 32–44.

18. Постановление Европейского Суда по правам человека от 27 марта

1998 года «Case of Petrovic v. Austria» (Application No 20458/92).

19. Постановление Европейского Суда по правам человека от 21 декабря 1999 года «Case of Salgueiro da Silva Mouta v. Portugal» (Application No. 33290/96).

20. Постановление Европейского Суда по правам человека от 27 сентября 1999 года (окончательное решение от 27 декабря 1999 года) «Case of Smith and Grady v. The United Kingdom» (Applications Nos. 33985/96 and 33986/96).

21. Постановление Европейского Суда по правам человека от 12 апреля 2006 года «Case of Stec and others v. The United Kingdom» (Applications Nos. 65731/01 and 65900/01).

22. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2011 года No 28-П «По делу о проверке конституционности части четвёртой статьи 261 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Е. Остаева». // Собрание законодательства РФ. – 2011. – No 52. – Ст. 7639.

23. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 06 февраля 2009 года No 3-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 5 Федерального закона «Об обеспечении пособиями по временной нетрудоспособности, по беременности и родам граждан, подлежащих обязательному социальному страхованию» в связи с запросом Автозаводского районного суда города Тольятти Самарской области». // Собрание законодательства РФ. – 2009. – No 8. – Ст. 1040.

24. Пушкарская, А. Конституционный Суд восстановил права отцов накануне пересмотра Страсбургом «гендерного дела» / А. Пушкарская // Коммерсантъ. – 2011. – 16 декабря.

25. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 года No 223-ФЗ (в ред. от 30 ноября 2011 г.). // Собрание законодательства РФ. – 1996. – No 1. – Ст. 16.

26. Созаев, В. ЛГБТ-родительство: проблемы, потребности, перспективы / С. Семёнова, Н. Гудзовская; под ред. В. Созаева. – СПб.: АНО «ЛГБТ организация Выход», 2010. – 48 с.

27. Трофимец, И.А. Институт брака в России, государствах-участниках Содружества Независимых Государств и Балтии: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / И.А. Трофимец. – Хабаровск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Хабаровская государственная академия экономики и права», 2011. – 48 с.

28. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 года No 197-ФЗ (в ред. от 28 июля 2012 года). // Собрание законодательства РФ. – 2002. – No 1 (ч. 1). – Ст. 3.

29. Федеральный закон от 29 декабря 2006 года No 255-ФЗ «Об обеспечении пособиями по временной нетрудоспособности, по беременности и родам граждан, подлежащих обязательному социальному страхованию». // Собрание законодательства РФ. – 2007. – No 1 (1 ч.). – Ст. 18.

30. Федеральный закон от 29 декабря 2006 года No 255-ФЗ (в ред. от 3 декабря 2011 года) «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством». // Собрание законодательства РФ. – 2009. – No 30. – Ст. 3739.

31. Федеральный закон от 30 октября 1997 года No 137-ФЗ «О ратификации Конвенции о равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями». // Собрание законодательства РФ. – 1997. – No 44. – Ст. 5020.

32. Crooks, R., Baur, K. *Our Sexuality* (11th ed.). / R. Crooks, K. Baur. – Belmont, CA: Thompson Wadsworth, 2011. – 368 p.

33. European Convention on Human Rights (as amended by Protocols Nos. 11 and 14). Council of Europe Treaty Series. No 5. – Strasbourg: Council of Europe, 2010. – 62 p.

34. European Convention on the Adoption of Children (Revised). – Strasbourg: Council of Europe, 2009. – 35 p.

35. *Lesbian & Gay Parenting* / American Psychological Association. – Washington: The American Psychological Association, 2005. – 88 p.

36. O' Flaherty, M., Fisher, J. *Sexual Orientation, Gender Identity and International Human Rights Law: Contextualising the Yogyakarta Principles* / M. O' Flaherty, J. Fisher // *Human Rights Law Review*. 2008. – No 8 (2). – P. 207–248.

37. *Parenthood in modern society: legal and social issues for the twenty-first century* / edited by J. Eekelaar & P. Sarcevic. – Dordrecht; Boston: M. Nijhoff, 1993. – 619 pp.

38. *The Effects of Marriage, Civil Union, and Domestic Partnership Laws on the Health and Well-being of Children* / Games G. Pawelski, Ellen C. Perrin, Jane M. Foy, Carole E. Allen, James E. Crawford, Mark Del Monte, Miriam Kaufman, Jonathan D. Klein, Karen Smith, Sarah Springer, J. Lane Tanner & Dennis L. Vickers // *Pediatrics*. – Vol. 118 No 1. – July 1, 2006. – Pp. 349–364.

39. *The Yogyakarta Principles – Principles on the Application of International Human Rights Law in Relation to Sexual Orientation and Gender Identity*. – Geneva: International Commission of Jurists, 2007. – 38 p.

ТРАНСФОРМАЦІЯ ПОГЛЯДІВ НА СІМЕЙНІ ВІДНОСИНИ В СУЧАСНОМУ СУСПІЛЬСТВІ: ЗІТКНЕННЯ ТА ПАРИТЕТИ ГЕНДЕРНИХ РОЛЕЙ (ЮРИДИЧНИЙ ВИМІР)

Р. Шульга

Московський державний інститут міжнародних відносин (університет) Міністерства закордонних справ Російської Федерації, м. Москва, просп. Вернадського, 76, e-mail: ruslan.shulga@gmail.com

У статті аналізуються сучасні тенденції в трансформації традиційних сімейних інститутів крізь призму існуючих дискримінаційних практик у сучасному суспільстві. Ставиться проблема співвідношення ролі матері і батька у вихованні дітей в контексті норм міжнародного права прав людини і законодавства окремих країн. Досліджуються сучасні світові тенденції в правовому регулюванні інституту шлюбу, а також наслідки розпаду шлюбу для дитини. Здійснено спробу дослідити ступінь впливу міжнародного та зарубіжного права на формування розвитку інституту шлюбу в Росії. Критично оцінюється наявна правозастосовна практика з точки зору її впливу на духовні зв'язки дитини з батьком. Зроблено висновки про необхідність справжнього втілення у практиці конституційного принципу рівноправності між чоловіком і жінкою, відмови від дискримінаційних практик обмеження прав у вихованні дітей самотніми людьми і наявними різними типами сімей. Надано рекомендації про необхідність розробки законодавства, що регулює питання наділення юридичним статусом цивільних пар та зміни підходів у визначенні кола осіб, які мають право на усиновлення дітей.

Ключові слова: права дитини, батьківство, інститут сім'ї, усиновлення, Європейський Суд з прав людини, дискримінаційні практики.

**THE TRANSFORMATION OF VIEWS ON FAMILY
RELATIONSHIPS IN THE CONTEMPORARY SOCIETY:
CONFLICT AND PARITIES OF GENDER ROLES
(LEGAL DIMENSION)**

R. Shulga

*Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of
Foreign Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Vernadsky Av., 76, e-mail: ruslan.shulga@gmail.com*

The article analyses the current trends in the transformation of the traditional family institutions via the prism of the existing discriminatory practices in modern society. The problem of correlation between the role of mother and father in the upbringing of children in the context of international human rights law and legislation of individual countries is addressed in the article. Contemporary global trends in the legal regulation of the institution of marriage, as well as the consequences of the disintegration of the marriage to the child are examined. An attempt is made to explore the extent of the impact of international and foreign law in shaping the development of the institution of marriage in Russia. The existing law enforcement practice from the point of view of its impact on the spiritual ties with the child's father is critically assessed. Conclusions are drawn about the need for a genuine embodiment in practice of the constitutional principle of equality between man and woman, cancellation of the discriminatory practices of the limitation of the rights in upbringing of children by a single person and the existing different types of families. Recommendations are given on the need for the development of legislation governing the legal status of civil marriages and on amending the approaches to determining the list of persons who have the right to adopt children.

Key words: Children rights, paternity, family, adoption, the European Court of Human Rights, discriminatory practices.